



В краю Тургенева и Фета



Распахнута в лето зелёная дверь



ЕЛЕНА
КОВАЛЁВА

Елене Субиной

Что сны о родине для нас...
Размыты светом силуэты
Неугасающего лета,
И влага застывает глаз,
Когда стараюсь различить
Всё, что так близко и знакомо —
Деревьев силуэт и дома,
Где без затей лежат ключи
На косяке, где ветви лип
Прозрачные роняют тени
На поседевшие ступени,
Уж сколько ног по ним прошли...
Но не проломится доска
Пока под липовую сетью
Миры придумывают дети
И солнце смотрит свысока.

БЕЗУМНОЕ ЛЕТО

(По мотивам акварелей Аруша Воцмуша)

1. Полдень

Город полон спящего солнца и странных
созданий.
Им летать иногда удаётся над крышами
зданий.
Здесь порхают слоны, носороги сидят
на карнизах.
А из гордых созданий двуногих лишь мы
с Элоизой,
Да Пьеро с дрессированным тигром по кличке
Отелло.
Все давно позабыли про игры и всё надоело —
И жара, и крылатые кошки, и львы, и грифоны,



Даже море в эмалевой плошке небес,
раскалённой.
В этом мире полуденной лени и ясной погоды
Мы в плену у чужих сновидений и грезим
свободой.

2. Королевы Тортиги

Ваши губы надменны, осанка горда,
Шляпы чем-то похожи на барки и шхуны,
А глаза тех оттенков, какие вода
Принимает в ненастье у края лагуны.

У таверны встречаете жаркий закат,
Пригубляя огонь барбадосского рома,
Вспоминая, что в осень ушедший фрегат
Никогда не вернётся к причалам знакомым.

Представляя корсаров, что скрылись во мгле,
Языком прижимаете к небу моллюсков,
Их пустые ракушки лежат на земле,
На песке, что под вечер становится тусклым.

Будет снова закат полахать отгорев,
Не устанут от бурь абордажные пушки,
Наше время у ног четырёх королей
Закрутилось и съёжилось полою ракушкой.

3. Лодки

Город светлее дня и слаще, чем рафинад,
Благородней Севильи, сказочней, чем Багдад,
Летним полднем раскаляется добела
Камень стен его, плывут и плавятся купола
В синеве небес, что созданы из стекла.

Лодки в заливе прохладу из моря пьют,
Рыбаки, оставив душную мглу кают,
Достают из сетей калканов, кефаль, хамсу,
Сетки с форелью серебряной навесу
Держат, стоя подобно статуям на носу.

Глядя на город с моря, что вспоминаешь ты?
Чьи расцветают над гладью воды черты?
Гордой Амалии, пламенной Соледад,
Кроткой Агаты, чей скрыт за стеною сад?
Нет награды выше, чем с ветки его гранат...

ПТИЦА

Мир состоит из отражений —
Друг в друге мы отражены —
Живые отзвуки и тени,
Цветные трепетные сны.
И даже маленькая птица —
Лесной дикарь — сорокопуд,

И тот мечтает отразиться
В глазах, которые поймут
Значенье скрытое полёта,
И в лёгком очерке крыла
Заметят радостное что-то,
Чего душа давно ждала —
Примету, знак необъяснимый
Того, что этот яркий сон
О птице, пролетевшей мимо,
В ней навсегда запечатлён.

ВИЛЛА С КАРТИНЫ МАССАГРАНДЕ

Распахнута в лето зелёная дверь,
Платаны и лавры пронизаны солнцем,
Под ними гуляет свободно, поверь,
Гривастый, с огромными крыльями зверь
В компании с синим быком-иноходцем.
Они говорят на одном языке
И речи их музыкой кажутся странной,
Ещё к ним приходит всегда налегке
В плаще белоснежном мечтательный
странник.

Ах, если бы звуки их речи понять
И в сад — за порог обветшавшего дома,
Войти под сияние летнего дня...
Но двери распахнуты не для меня,
И манит напрасно язык незнакомый.

МЕТЕОРИТ

В твоих глазах, спокойных, как зенит
В день августовский, полный влажным зноем,
Порою расцветает и горит
Лазоревое пламя неземное —
Нежданное, как тот метеорит,
Что вспыхнул над восточной стороною,
Перечеркнув сияние зари.
Вот так и ты — всего лишь миг со мною —
Мгновение длиною в десять лет...
Оглядываясь, вижу — хвост кометы
Несётся через северное лето
Навстречу остывающей земле —
Сквозь сердце пролетит полоской узкой,
Чтоб раствориться где-то за Тунгуской.



АНДРЕЙ
ШЕНДАКОВ

ЛИВЕНЬ

Капли, срываясь
к раскидистым кронам сирени,
падают гулко
с кленовой широкой листвы;
рядом проходят,
ложатся древесные тени
в зарево мокрой,
прохладной июльской травы;

горлица где-то
заводит привычно беседу,
я вспоминаю
из детства две пары минут:
дед во дворе,
закурив, что-то бросил соседу,
запах осин
набежал на искрящийся пруд;

годы мелькают,
но годы, как птицы, витая,
всё повторяют —
рождённому, пришедшим, иным,
снова Вселенную
светом любви обретая,
снова вселяя
надежды в крыла молодым;

я же всё чаще,
о прошлом своём вспоминая,
предполагаю:
былое — ещё впереди;
где-то за полем
теряются отзвуки лая,
в пологе ливня
легко, словно в детстве, идти.

Ливень нахлынувший
ярок, глубок и безбрежен,
топок и гулок,
как сердце размокшей земли;
тропка усыпана
горстками диких черешен,
тропка, которая
завтра вся будет в пыли...

В Орле цвели рябины и каштаны,
День уходящий чем-то вроде сна
Мне виделся: строительные краны
Вдали скрывала неба пелена.

Мир разрастался, распускал бутоны,
Весь мир ушёл — в сужденья, в пустыаки:
Взлетали звёзды — яркие, многотонны,
А между тем — божественно легки.

День уносил в ручьях остатки пыли,
Струился дождь — сквозь звёзды, вдалеке,
А мы не шли, мы всё куда-то плыли,
Как будто лодки по ночной Оке.

Мой старый дворик мною не забыт:
из-под снежка в сияющем апреле
живые токи тянет еле-еле
листок крапивный, дополняя вид
открытых ульев; кружится пчела,
ведя свою привычную разведку,
а я беру надломленную ветку,
ловя наплыв весеннего тепла,
и вырезаю что-то; так светло,
что видно всё вокруг на километры
с холмов, где глину высушили ветры
и подступило к городу село;
сплелись тропинки, вскрылись берега,
где пара льдин в низину заглянула,
а в небесах, в глухих раскатах гула
луна уже бледна, почти нага —
без облаков, которые её
морозный лик укутывали в шали
и миру снова холод предвещали, —
в саду крылами хлопает бельё,
взлететь пытаюсь; тишину скворцы
взрывают вдруг среди ветвей, пелёнок;
мир, как стекло, хрустально чист и тонок,
весенний звон спешит во все концы:
кто строит дом, кто чинит свой чердак,
а кто в лесу орудует пилою, —
опилок терпких запахов над рекою
парит — не может улететь никак;
и дух осины возле верстака,
и дух лежалой дедовской махорки
лучи пронзают, выйдя на пригорки,
и греют псу соседскому бока,
а он лежит и даже не рычит
ни на меня, ни на других прохожих:
такой денёк восторженно погожий,
что грех за ними бегать средь ракии;
а между тем: на мир взглянув с крыльца,
я отметаю отголоски лени,
ведь всё — лишь миг, а мы — лишь чьи-то
тени,
лишь чей-то прах, лишь звёздная пыльца...



Течёт река — спокойна и легка.
Ручьи в оврагах снова полноводны,
И, словно нити серебряной волны,
Сплелись в косицы в поле облака.

И солнце катит сонно, не спеша
Свой диск, как будто колесо на пряхе.
Уходят прочь сомнения и страхи
И ждёт чего-то нового душа.

Весна сменяет буйство на покой.
Дышать и жить — простое наслаждение.
А я пишу своё стихотворенье
И в сотый раз склоняюсь над строкой.

Что суждено?.. Предвидеть не дано,
А впрочем: мир, своим творцам не веря,
Извечно тянет, словно волну, время.
Но у небес — своё веретено!

Звезда горит в моём окне
Сквозь полог утреннего света
И тонет вновь за далью, где-то
В рассветной тихой глубине;

Сквозь полевую чистоту
Плывут неведомые дали,
А в сердце капельки печали
Лучей встречаю остроту —

И, отступивший стылый мрак
Своим сияньем прожигая,
Звезда является — другая,
И остаётся только прах,

Небесный прах — далёкий свет;
Пылай, волнистое круженье!
В твоё, в твоё перерождение,
В твоё сиянье мир одет.

Когда рождается душа?
В момент зачатия или смерти?..
Куда она летит, верша
Свои невидимые тверди?

Куда, как свет, несёт она
Свои крыла самозабвенно?
Каким огнём окрылена?
Легка, чиста, благословенна...

Не осознать её исход —
И путь по кругу роковому:
Душа, как луч, летит вперёд —
Назад, к потерянному дому,

Чтоб где-то в дымке вечеров,
Дыша старинным тёплым воском,
Стать дальним эхом для миров —
И чьим-то долгим отголоском.

